

М. В. РАЗУМОВСКАЯ

РОССИЯ И «ПИСЬМА» МАРКИЗА Д'АРЖАНА

«Царь Петр Алексеевич изменил облик всей Московии, он, прямо признаем, стал творцом в этой стране новых людей». И далее: «Трудно найти человека, равного по необычности этому государю. В нем — все величие, вплоть до его недостатков... В варварской стране он создал армию, флот, крепости, академии наук и искусств, он способствовал появлению новых нравов, основанных на разумных законах... Он обладал смелостью и гордостью Александра, осторожностью и твердостью Цезаря, щедростью и благородством Антония... он был столь же политичен и столь же жесток, как Тиберий... Он больше, чем все остальные, заслуживает имя великого государя, потому что был превосходным законодателем, хорошим генералом, смелым солдатом, ловким политиком, пылким сторонником развития наук и искусств. Трудно поверить, что в одном человеке сочеталось столько добродетелей и талантов. Память о нем навсегда сохранится в умах московитов». Так аттестовал русского государя французский просветитель маркиз д'Аржан.¹

Жан-Батист де Буайе, маркиз д'Аржан (1704—1771), автор множества романов, исторических и политических трудов, сочинений по вопросам религии и морали, отличался глубокими и разносторонними познаниями. Его шеститомные «Еврейские письма» (1736—1737), се-

¹ См.: [Argens, marquis de]. Lettres chinoises, ou Correspondance philosophique, historique et critique entre un Chinois voyageur à Paris et à ses correspondants à la Chine, en Moscovie, en Perse et au Japon: In 6 t. La Haye, 1756. Т. 2. P. 269, 276, 282 (в дальнейшем ссылки на это издание см. в тексте: LCh с указанием тома римской цифрой и страницы-арабской); [Argens, marquis de]. Lettres cabalistiques, ou Correspondance philosophique, historique et critique échangée entre deux cabalistes, divers esprits élémentaires et le seigneur Astaroth: In 7 t. La Haye, 1769—1770. Т. 6. P. 120 (в дальнейшем ссылки на это издание см. в тексте: LC с указанием тома римской цифрой и страницы — арабской)

митомные «Каббалистические письма» (1737—1741), шеститомные «Китайские письма» (1739—1740) поразили читателя смелостью просветительской мысли, эрудицией в области науки, права, морали, искусства, философским скептицизмом, политическим вольномыслием, сатирической и антиклерикальной направленностью. Эти философско-обличительные ученые романы включили в себя обширнейший свод знаний их создателя. По мнению автора, его «Письма» представляют собой нечто единое: в них дается широкая картина нравов и обычаев различных народов, древних и новых. Сам маркиз д'Аржан скрывается под маской переводчика и издателя этих посланий. Его герои — заброшенные в Европу ученые евреи, или философствующие китайцы, неутомимые путешественники (в том числе Тьяо, живший в Москве), или умеющие проникать повсюду любознательные духи стихий во главе с мудрым кабалистом Абукибаком — все они смотрят на Европу глазами постороннего. Они наблюдают, сияются понять и осмыслить увиденное, стремятся к выводам и обобщениям. Это поистине «граждане Вселенной», они хотят сделать мир лучше, чем он есть.

Принцип сравнения стал для маркиза д'Аржана методом постижения общественных закономерностей. Знакомство с другими странами послужило для него материалом для сопоставления различных форм государственного устройства, религий, быта и нравов, эстетических категорий. Новые сведения и новые представления разбудили в европейском сознании понятие о принципе относительности ценностей. Во Франции этот вклад в развитие исторической науки получил политическую заостренность: он помогал опровергать установившиеся политические и религиозные воззрения. Принцип сомнения стал главным двигателем в ниспровержении всякого абсолютного начала, касалось ли это отживших форм абсолютной монархии, церкви как общественного института, моральных и эстетических требований и норм.

Французские писатели не путешествовали так, как их героини-скальпы, они сочиняли не на основании собственных впечатлений (хотя маркиз д'Аржан хорошо знал по личному опыту жизнь в Голландии или Пруссии), а на основании прочитанной литературы, главным образом отчетов о путешествиях. Используемые ими печатные источники не всегда бывали достоверными. Стремление авторов романов к правдивости не подлежало сомнению, но своеобразное толкование тех или иных фактов объяснялось принципом свободного использования ими этих источников. Главными для просветителей были задачи современной жизни, которые они и разрешали, обращаясь к разностороннему материалу, приспособлявая его

к своим национальным потребностям, для утверждения своих и ниспровержения чужих воззрений.²

Одно только обращение к русской истории помогло д'Аржану обосновать многие свои философские положения.

Осмысливая действительность, маркиз д'Аржан считает: основные причины несчастий людей состоят в том, что их разум и мораль обременены предрассудками. Причина всех заблуждений — это ложные мнения, навязанные догмы³ (см. также: LC. V. 254). Источником предрассудков является и глубокое невежество, унижающее человека / LJ, III, 6; VI, 14; LC, III, 85 /. Главная роль в уничтожении предрассудков принадлежит наукам, раскрепощающим разум, а также и справедливому правлению / LJ, III, 316; LC, II, 17; III, 76, 80 /.

Некогда, при старых порядках, пишет д'Аржан, москвиты были народом невежественным и грубым, жили они на бесплодных и невозделанных землях (LCh, II, 43). Подчиняясь установившимся предрассудкам, они не знали принятых в цивилизованном обществе правил приличия и вежливости, не знали даже элементарных «Прав Людей». Эту мысль маркиз д'Аржан доказывает отношением москвитов к послам разных держав: нецивилизованные москвиты, варвары и грубияны, рабы царей, несмотря на оказываемую русским государем и его советниками честь иноземным послам, ведут себя с почти животной надменностью, особо это касается церемониймейстеров, которые сами стараются занять почетное место, предназначенное послам, или место поудобнее в санях или карете (LJ, IV, 70—72).⁴ Как пример нравов грубых и диких он приводит рассказ некоего г-на де Мэзена, который в Тулоне, в гостинице, наблюдал поведение молодых москвитов, посланных царем во Францию для обучения навигации и кораблестроению: с самого начала их пребы-

² Подробнее о творчестве маркиза д'Аржана см.: *Разумовская М. В.* Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х годов. Л., 1981. С. 60—75.

³ [Argens, marquis de, *Lettres juives, ou Correspondance philosophique, historique et critique entre un Juif voyageur en différents états de l'Europe et ses correspondants en divers endroits*: In 6 t. La Haye, 1742. Т. 3. P. 222 (в дальнейшем ссылки на это издание см. в тексте: LJ с указанием тома римской цифрой и страницы — арабской).

⁴ В данном случае д'Аржан ссылается на трактат Викфора «Посол и его функции» (LJ, IV, 72). Следует отметить, что сьер Викфор был членом государственного совета и переводчиком на французский язык «Описания путешествия в Московию» Адама Олеария (Olearius A. O. *Voyages très curieux et très-renommez faits en Moscovie, Tartarie et Perse* /.../ Traduit par Sr. de Wiquefort: In 2 t. Leyden, 1717; Amsterdam, 1727) Ссылается он и на жалобы графа Карсейля в 1633 г. (см.: *Les Trois Ambassades du comte de Carlisle, ambassadeur de Charles II, roi de la Grande-Bretagne, vers Alexey Michailovich, czar et grand duc de Moscovie... commencées au mois de juillet 1663 et finies au mois de janvier 1665.* Amsterdam, 1700).

вания в этом городе дня не проходило, чтобы они не подрались; они были готовы ударить друг друга ножом за ничтожный кусок мяса. У них был вид плохо вылизанных медведей; постепенно они утратили дурные привычки; когда же они вернулись на родину, они оказались столь же вежливыми, как французы, родившиеся в центре Франции, или рожденные в Германии немцы (LJ, IV, 73—74).

Однако д'Аржан неоднократно признает, что за последние годы московиты очень изменились к лучшему: «Вот уже двадцать лет, как московиты избавились от рабства и подчинения. Петр Алексеевич нашел секрет изменить их нравы и обычаи, перестав считать их рабами. Он заставил их стать более общительными, вынудил давать детям нужное воспитание. Ныне двор московский вовсе не походит на двор, существовавший тридцать лет тому назад» (LJ, IV, 68—69). Он продолжает: «Чем больше народы лишены свободы, тем больше они невежественны, это доказывается нравами и обычаями московитов, которые сильно переменялись за последние годы; однако многое еще нуждается в переменах. Но время завершит то, что начал Петр Алексеевич, только от его политики зависит полная перемена в обычаях народа, некогда грубого и дикого» (LJ, IV, 73).

Д'Аржан отмечает, что на законы, политику, мораль людей воздействуют климат, географическая среда в целом, а также религия, быт и нравы, индивидуальные особенности той или иной страны (LJ, I, 230; II, 234; III, 223). Недаром, как сторонник географической теории, нравы жителей Петербурга он объясняет влиянием климата: там все серьезны, чтобы не казаться печальными, климат способствует угрюмости характера, что проявляется даже во время праздничных церемоний (LCh, II, 286).

Подобно большинству своих современников, маркиз д'Аржан рассматривает социальные законы как продукт деятельности законодателя. Он не признает богоданности монархических порядков и считает представление о короле как о наместнике Бога на земле причиной многих заблуждений человечества (LCh, II, 151). Говоря о взаимных обязанностях монарха и народа, д'Аржан исходит из понятий естественного права и общественного договора. Монарх и народ должны соблюдать взаимную справедливость (LJ, V, 219); главная обязанность монарха — добиваться благополучия народа; верховная власть, лишняя добродетели, вырождается в тиранию. Д'Аржан убежден, что политическая свобода и веротерпимость — источник благоденствия людей, процветания государства, основа развития наук и искусств (LJ, I, 240; LC, III, 218). Тираническая власть не может способствовать цивилизации людей: дарованная Петром свобода научила московитов подчиняться воле и уму мудрого правителя, сохраняя свое достоинство (LJ, IV, 68). Говоря о про-

светительской деятельности Петра, д'Аржан отмечает плодотворность его политики в привлечении иностранцев, которые помогают развитию наук и искусств (LCh, II; 286). Китаец Тьяо отводит огромную роль Петру в преобразовании нравов москитов, которые упорно сопротивлялись его новшествам, в частности приказу брить бороды. Для достижения успеха своей цивилизаторской миссии Петру пришлось использовать всю полноту абсолютной власти и прибегать к суровым наказаниям (LCh, II, 64—65).

К вопросам морали д'Аржан подходит с позиций биологической (соответствие морали природе человека), социальной (ее зависимость от общественного устройства) и географической (связь с климатом, ландшафтом и другими природными условиями). Убеденный в том, что моральные нормы должны соответствовать естественной человеческой натуре, маркиз д'Аржан утверждает социальную природу нравственности. Изучение нравов различных народов, с его точки зрения, поучительно и полезно, ибо характер народа, обычаи страны и ее законы тесно связаны. Тиранические законы способствуют варварству нравов. До правления Петра несчастные крестьяне Московии терпеливо сносили выпадающие на их долю муки и проклинали своих господ по сотне раз на дню (LC, V, 301). Д'Аржану ясно, что причина униженного положения женщины заключена не в законах природы, но в несправедливости, царящей в обществе. Для доказательства важной функции женщин, уготованной им в жизни государства, он говорит об «опыте» русской истории, «который доказывает благотворную роль женщины, ибо самые великие люди бывали бесконечно обязаны своим женам». Это история из жизни царя Петра Алексеевича, которого спасла от смертельной опасности — пленения турками — его последняя жена, рожденная в низком сословии, но отличавшаяся величием мужества и умом, чем превосходила многих знаменитых героев (LC, VI, 120)⁵

Падение нравов д'Аржан связывает не только с деспотизмом власти, но и с фанатизмом церкви. В своих философско-религиозных воззрениях он был убежденным деистом и расценивал религиозное чувство как естественное (LJ, I, 268—269; III, 16), исходя из философии сенсуализма: эта потребность человеческого сердца (LC, II, 51—80). Религию он рассматривает как историческую категорию: она меняется с развитием общества (LJ, III, 297—301). Глядя

⁵ Об этом же можно прочесть в сочинении Вольтера «История Карла XII» (1731) (см: *Voltaire. Histoire de Charles XII roi de Suède*. Paris, 1889, P. 250—253; см. также: *Perry J. Etat présent de la Grande-Russie, contenant une Relation de ce que S. M. czarienne a fait de plus remarquable dans ses Etats, et une Description de la Religion, des moeurs etc. tant Russiens, que des Tartares, et autres peuples voisins / Traduit de l'anglais [par Hygony]. La Haye, 1717*).

на мир глазами «гражданина Вселенной», в своих «Письмах» д'Аржан, противник церковного фанатизма, осуждает католическую церковь, а также мусульманство, иудаизм, буддизм и православие.

В «Китайских письмах» Тьяо, обращаясь к другу Ин-Хе-Хану, живущему в Париже, подробно повествует об особенностях язычества на Руси, о принятии христианства, о деятельности князей в области религии и политики. Говоря о духовенстве в Московии, о положении патриарха, митрополитов, архиереев, монахов, он отмечает, что образованность духовенства полезна для отечества. Особо он отмечает неприятие римско-католической церкви. С особым интересом он описывает православные храмы, иконы, обычай благославлять, колокольный звон (LCh, II, 45—52; 67—94).⁶

Письма Тьяо 40, 42, 49 посвящены подробному описанию принятых у московитов обрядов погребения и поминания (LCh, II, 95—104), брака (LCh, II, 116—126), крещения (LCh, II, 193—202). В письме 43 говорится о положении женщины, ее занятиях, отношениях с мужем, наказаниях по причине прегрешений (LCh, II, 126—133).⁷ Не раз герои д'Аржана удивляются приверженности московитов к неумеренному пьянству; например, Бен Кибер пишет ученому кабакисту Абукибаку, что московиты в деле потребления веселящих напитков приучили себя к водке, этому пороховому зелью, поэтому они считают, что выпить «токая» или «бургундского» — это унижить себя или же сесть на строгую диету (LC, VII, 172).

Следует отметить, что маркиз д'Аржан обращается к России наряду с другими странами не только для доказательства своих соображений по тому или иному поводу в качестве примера. В «Китайских письмах» он сообщает о маршруте Тьяо, совершающего путешествие в Европу через Россию. Он подробно говорит о жизни тунгусов (еще раз подчеркивая веротерпимость православной церкви, что вызывает привязанность всех подданных Московии — LCh, II, 285), описывает Тобольск, флору и фауну этого края, упоминает о сосланных в Сибирь после Полтавской битвы шведах, о Вологде.⁸

⁶ Сведения о православии д'Аржан мог позаимствовать у Олеария (см.: *Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев.* Л., 1986. С. 405—414) и у своего соотечественника Фуа де Ла Невиля, французского дипломата, который бывал в Москве в 1689 г. (*La Neuville Foy de. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, contenant l'état présent de cet empire... Les causes des dernières révolutions, leurs moeurs, et leur religion...* La Haye, 1699; см. также: *Де Ла Невиль.* Любопытные и новые известия о Московии // *Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев.* С. 518—523). В романе Тьяо ссылается на труд «Религия московитов», не указывая конкретно на источник.

⁷ Ср.: *Олеарий А. Описание путешествия в Московию.* С. 341—354.

⁸ Поскольку д'Аржан в данном письме, не называет своего информатора, как,

В письме 37 Тьяо Москву описывает как город большой, грязный, с плохо выстроенными домами. Поскольку двор расположен в Петербурге, жители Москвы не имеют возможности следовать образу жизни цивилизованных придворных и иностранцев, находящихся при государе (LCh, II, 64). Письмо 56 посвящено пребыванию Тьяо в Петербурге (LCh, II, 268—277). Это большой город, несомненно лучше застроенный, чем Москва, улицы там прямые, они пересечены каналами, общественные здания отмечены правильной архитектурой. Город обязан своим происхождением покойному Петру, который хотел сделать его центром торговли всего мира. В основном текст письма посвящен самому Петру; д'Аржан подробно повествует об истории жизни и деяний Петра, начиная с юности, говорит о его преобразовательской деятельности в Московии и об отношениях с другими державами, отмечает, что все москвиты почитают его память. О Петре — и письмо 57 (LCh, II, 276—287): в нем Петр именуется героем, несмотря на присущие ему недостатки; китаец отмечает суровость его обращения с подданными, но признает, что это было только на благо последних; царь умел и наказывать и миловать, но Тьяо осуждает его за убийство сына, ибо это нарушает всякие законы природы.⁹

впрочем, и в большинстве других, можно предположить, что он воспользовался описанием путешествия Филипа Авриля: *Avril Ph. Voyage en divers Etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine, contenant plusieurs remarques curieuses de physique, de géographie, d'hydrographie et d'histoire, avec une description de la Grande Tartarie, et des différents peuples qui l'habitent. Paris, 1692.*

⁹ Зря ли маркиз д'Аржан знал о том, что Петр не любил ни французов, ни французского языка. Свидетельством этому служат хотя бы «Достопамятные повествования и речи Петра Великого», составленные его денщиком Андреем Нартовым. Вот несколько примеров. Когда государю было доложено, что в Петербург прибыли «плаксуны и балансеры», он заявил генеральному полицмейстеру Девиру: «Я видел в Париже множество шарлатанов на площадях. Петербург — не Париж, пускай чиновные смотрят дурачества такие неделаю, только с каждого зеваки не больше гривен, а для простого народа выставить сих бродяг безденежно пред моим садом на лугу. Потом выслать из города вон» (Москвитянин. 1842. № 7. С. 24). Когда русские солдаты, разгоряченные баней, бросались в Сену, плавали и ныряли, а французы думали, что они «перемрут», государь отвечал: «Не опасайтесь, г. Вернон. Солдаты от Парижского воздуха несколько ослабли, так закаливают себя русской баней» (там же. № 11. С. 125). После смотра французских войск государь сказал князю Куракину, послу в Париже: «Я видел нарядных кукол, а не солдат. Они ружьем финтуют, а в марше только танцуют» (там же). Надобными языками для России Петр почитал голландский и немецкий, а «с французами, говорил он, не имеем мы дела» (там же. № 8. С. 337). Однако, по донесению А. А. Матвеева, в 1703 г. «русские робята» в Голландии учились по-голландски и по-французски (см.: Грот Я. К. Труды: В 5 т. СПб., 1898—1903. Т. 4. С. 119). При отъезде из Парижа Петр Великий сказал: «Жалею, что домашние обстоятельства принуждают меня оставить то место, где наука и художества цветут. И жалею притом, что город сей рано или поздно от роско-

Далее речь идет о правлении императрицы, дочери Петра, о положении дел в церкви и армии, о роли иностранцев в развитии культуры и науки, о богатстве русского двора.¹⁰

Время действия в «Письмах» д'Аржана не обозначено, он ограничивается лишь указанием на место, откуда посылаются эти письма. Нам известна скупая точность маркиза д'Аржана, когда он писал свои философские труды и романы, в отношении источников и доказательств, и мы можем предположить, что это сделано им не случайно: он использует факты жизни различных народов всех времен и стран для подтверждения собственных взглядов и считает вправе свободно распоряжаться хронологией.

Мы уже знаем, что русская литература кое чем обязана маркизу д'Аржану.¹¹ Чтобы соблюсти справедливость, признаем, что обращение к истории России помогло автору «Писем» сделать доказательными свои теоретические воззрения на природу и общество, на политику и религию, на мораль и состояние нравов людей; кроме того, упоминание о Московии на страницах его романов увеличивало их занимательность и несомненно привлекало внимание любознательных читателей века Просвещения.

ши и необузданности претерпит великий вред; а от смрада вымрет» (Москвитянин. 1842. № 11. С. 125).

¹⁰ Маркиз д'Аржан мог пользоваться сведениями из труда, автор которого скрыл свое имя под русским псевдонимом (см.: *Mémoires du règne de Pierre le Grand, empereur de Russie, père de la patrie...* / Par le B. Iwan Nestesuranoi: In 4 t. Amsterdam, 1728—1730).

¹¹ См.: *Разумовская М. В.* «Почта духов» И. А. Крылова и романы маркиза д'Аржана // Рус. литература. 1978. № 1. С. 103—115)